

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • КУЛЬТУРА

Ушедший из шинели Сталина

100 лет Юрию Трифонову

18:04, 28 августа 2025,

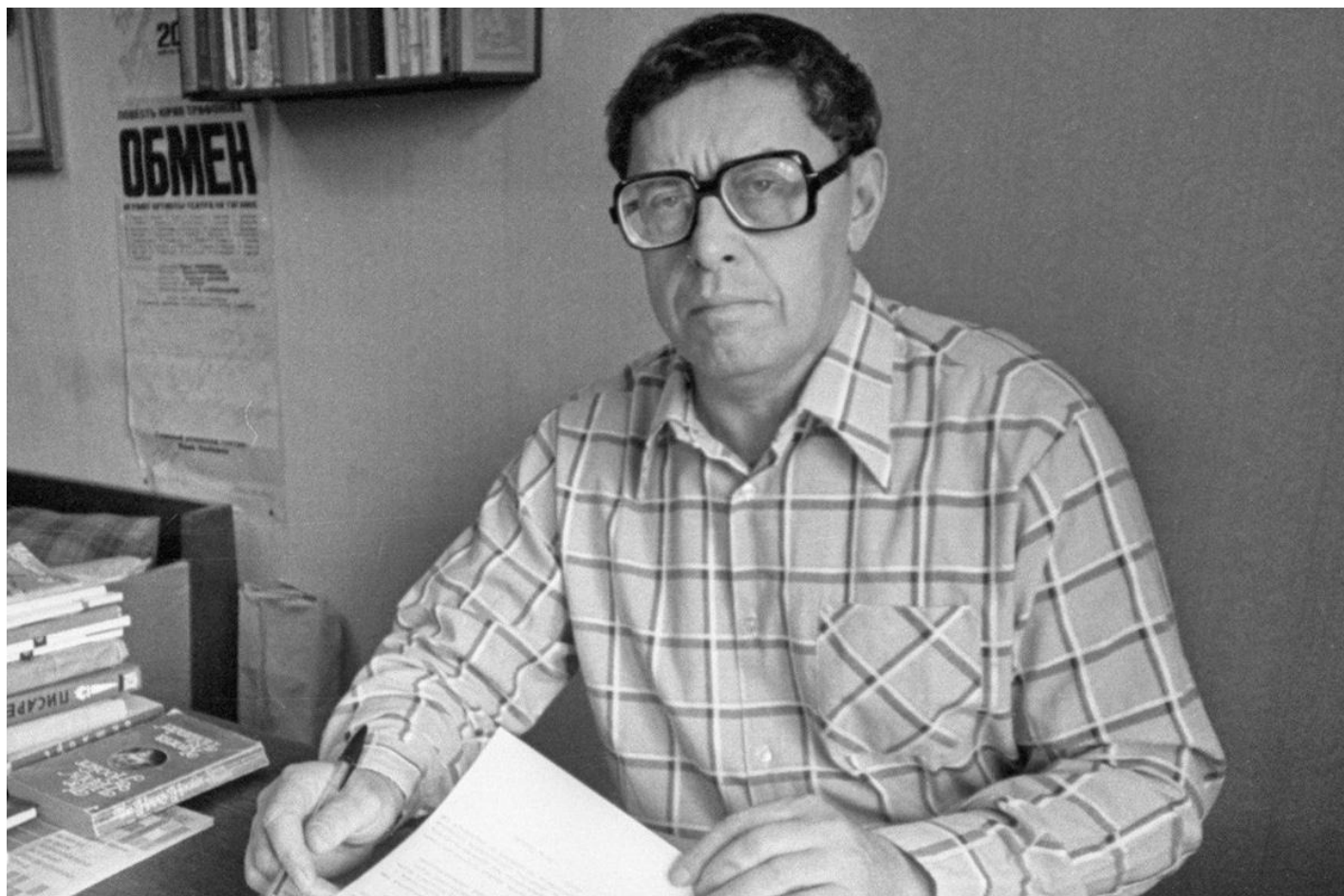
Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Юрий Трифонов. Фото: архив

Столетний юбилей Юрия Валентиновича Трифонова приходится на 28 августа. Сто лет — это звучит очень странно, потому что его персонажи, как и их время и место, их личные и «общественные» обстоятельства кажутся сегодняшними. Природа городского человека — нет, просто

человека — не изменяется. Те же проблемы, тот же моральный выбор, такой же быт. И подземный, иногда порывающийся наружу, ток прозы Трифонова — сталинщина с ее долгими разрушительными последствиями. Что может быть актуальнее сегодня, в наше время восставшего из ада сталинизма...

Столетие великого (стоит ли стесняться таких эпитетов спустя 45 лет после его смерти?) писателя совпало с удушением книжного рынка в неосталинистских обстоятельствах. Магазины торопятся на всякий случай распродать книги «иноагентов» — после 1 сентября законодательство ужесточается, никто толком не понимает, что будет с работами авторов, официально признанных изгоями. Небольшая глава о Трифонове в тесном сцеплении с другим знаковым автором эпохи застоя — Владимиром Кормером — есть в книге Андрея Колесникова, признанного «иностранным агентом», «Попасть в переплет. Избранные места из домашней библиотеки», изданной Редакцией Елены Шубиной и исчезающей из открытой продажи. Ее мы и представляем читателю в день 100-летия Юрия Трифонова.

Трифонов — Кормер. Двойное зеркало (анти)советского человека

Том с повестями «Старик» и «Другая жизнь» 1980 года издания я видел в обложках разного цвета. Не хватало, вероятно, единого обложечного материала, поскольку тираж книги — 200 тысяч. У нас дома — кирпичного окраса. Участь в старших классах школы, я, конечно, на эту книгу не обращал внимания. А когда мне было двадцать, «Худлит» расщедрился на собрание сочинений Трифонова — настоящее, этакое благородно-советское, в обложке болотных тонов. Тираж — 130 тысяч, вроде бы большой, но рассчитанный на то, чтобы удовлетворить исключительно спрос интеллигенции, не замахиваясь на большую аудиторию. Однако вот что важно: толчком к чтению этих томов стала публикация в «Литературке» в сентябре 1985-го фрагмента из незаконченного романа, который потом станет известен как «Исчезновение». Именно по этим строкам,

набранным литературкинской шрифтовой гарнитурой, я понял, что это мой писатель и я прочитаю его всего. А совсем недавно мой друг подарил мне скромное сокровище из своей библиотеки — сборник ранних рассказов Трифонова, в основном его туркменского периода. Сборник цвета оранжевой пустыни. Подписан к печати в июне 1959-го, автору 34 года. Редактор — Фогельсон, тот самый, который в Большом Гнездиновском, в издательстве «Советский писатель», будет редактировать поэзию.

Прежде чем понять эпоху, ее надо описать. И один из немногих оставшихся доступными ключей к пониманию людей застоя — проза Трифонова.

Жизнеспособность советского общества и тех его элементов, которые почти нетронутыми перекочевали в сегодняшний день, кажется загадочной.

Трифонов показал, что никакой загадки нет: просто люди живут как могут, в заданных обстоятельствах, как если бы постоянно решали математическую задачу с условиями, сформулированными не ими.

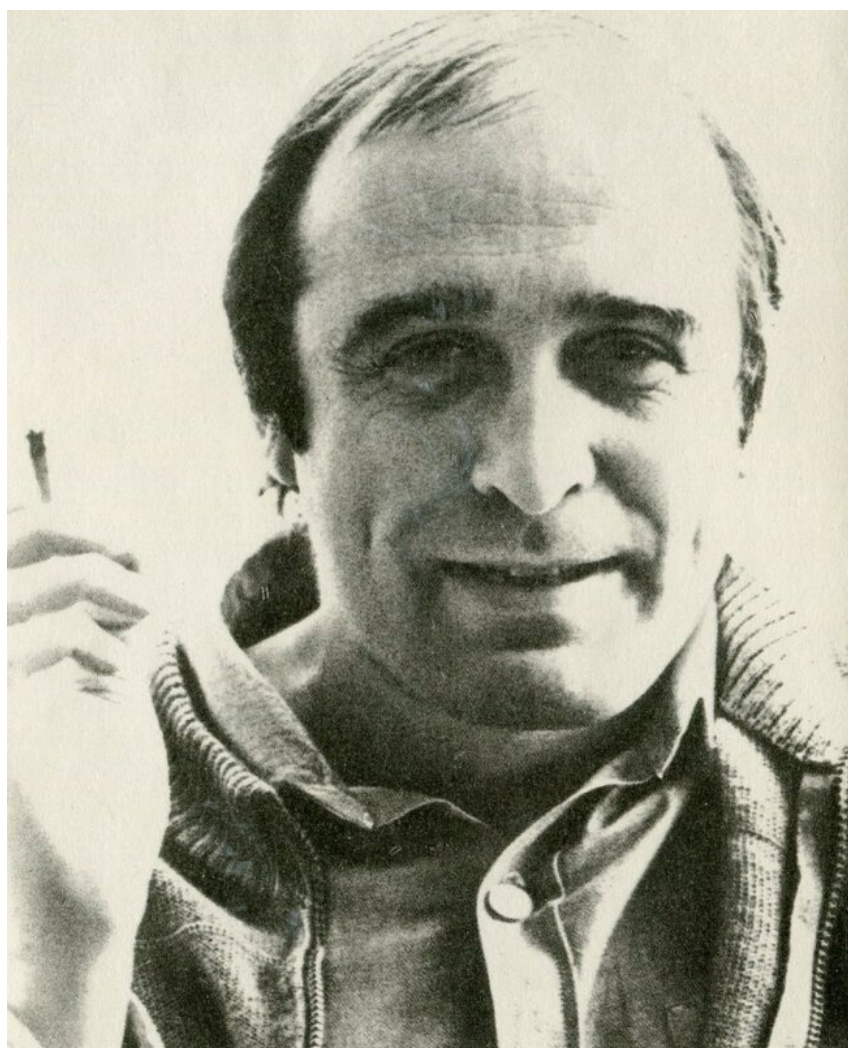
Так большинство жило тогда, так живет и сейчас. Что, собственно, и является простым объяснением тотального и банального конформизма.

Эпохе позднего СССР повезло. Два выдающихся русских романа XX века исчерпывающе описали эту эру — во всяком случае, ее городскую культуру. Во «Времени и месте» Юрия Трифонова предьявлены для грядущих поколений люди мейнстрима, а в романе «Наследство» Владимира Кормера — антисоветская

среда.

И Трифонов, и Кормер — из поколения, навеки обожженного насилием, страхом, несправедливостью. У обоих были репрессированы отцы. Оба рано умерли.

Они не вышли из шинели Сталина, а ушли из нее. Изживание государственного террора стало конституирующим свойством их поколения (точнее, даже поколений, потому что Кормер моложе на 14 лет). И предметом рефлексии в прозе.

Владими́ро Кормер. Фото: архив

Трифонов стал бытописателем советского среднего класса, которого, казалось бы, вообще не касался политический выбор. Зато из быта выростали моральные дилеммы, в основном возникавшие на почве обладания недвижимостью (повести «Обмен» и «Старик»): к 1960–1970-м уже было что передавать по

наследству и чем владеть. Этот класс, как мы помним, был зло прозван Александром Солженицыным «образованщиной». Он разрастался, оставаясь социальной основой режима, внутри которого все было «для блага человека, все во имя человека», и в то же время в нем зрела внутренняя готовность к переменам. Которых, в свою очередь, страстно желали герои Кормера — запутавшиеся не меньше трифоновских персонажей во взаимных склоках и моральных вызовах бунтари, метавшиеся в поисках правды почти в прямом смысле между будуаром и молельной.

«Время и место» — энциклопедия советской жизни.

«Наследство» — тоже энциклопедия, но полный свод жизни антисоветской.

У каждой из этих социальных страт свои координаты успеха, свое демонстративное потребление: герои Трифонова рвутся встречать Новый год в ресторане ВТО, герои Кормера стремятся быть ближе к отцу Владимиру, в котором легко угадывается отец Александр Мень.

А советский и антисоветский секс, советская и антисоветская любовь, советские и антисоветские предательства и распад, оказывается, ничем не отличались друг от друга.

Необязательно было быть бунтарем, чтобы сосуд за сосудом, артерию за артерией описать кровеносную систему советского общества, его корни и крону. И ни Трифонов, ни Кормер никому никаких уроков не преподавали, выводов не делали — это была чистая литература. Чтобы обличить сталинизм, достаточно было показать мальчишескую боль, но именно так, как это

сделал Трифонов во «Времени и месте»:

«Надо ли вспоминать о солнечном, шумном, воняющем веселой паровозной гарью перроне, где мальчик, охваченный непонятной дрожью, держал за палец отца и спрашивал: «Ты вернешься к восемнадцатому?»... Надо ли вспоминать об августе, который давно истаял, как след самолета в синеве? Надо ли — о кусках дерна, унесенных течением, об остроконечных башнях из сырого песка, смытых рекой... Надо ли все это?.. Отец Саши не вернулся из Киева никогда. Мальчик Саша вырос, состарился и умер. Поэтому никому ничего не надо».

Надо ли говорить, что глагол «умер» цензура вымарала из «Времени и места»? Свет увидела фраза «вырос и давно состарился».

И Трифонов, и Кормер показали городское общество, общество демографического перехода — из деревни в город. И город у них — подлинный. Чего, как теперь вдруг стало понятно, нельзя было сказать о деревенской прозе, которую боготворила та же самая «образованщина», видевшая в ней правду, хотя это была когда правда, когда полуправда, а когда и миф.

Есть архив, спрессованное время. А есть оживающая память о времени и месте. Археология советского времени — даже и копать глубоко не надо, можно просто снять книгу с полки. Хотите в 1970-й? Пожалуйста: «В Москве люди ходили в пальто. Шофер такси сказал, что холода и дожди весь месяц, сады померзли, на рынке молодая картошка полтора рубля

килограмм».

В 1971-й? Несколько штрихов, стоящих томов исследований по демографии и экономической истории: «А Москва катит все дальше, через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями... и по утрам на перронах метро и на остановках автобусов народу — гибель, с каждым годом все гуще. Ляля удивляется: «И откуда столько людей? То ли приезжие понаехали, то ли дети повырастали?»

У нашей эпохи нет своих Трифонова и Кормера. Это неописанное время. Возможно, оно неопишваемое.

Но есть ощущение, что и время само пыжится и что-то из себя изображает, и сама литература об этом времени или мельчит, мигая твиттером и тиктоком, или снобистски брюзжит, усложняя простое и умножая пустые сущности.

Хотя надо всего-то поставить перед постсоветским человеком зеркало. Появятся вкус, запах, тактильные и визуальные впечатления. Такие, например: «Дождь лил стеной. Пахло озоном. Две девочки, накрывшись прозрачной клеенкой, бежали по асфальту босиком».

Где сейчас эти девочки из 1978-го? Бегут ли по асфальту босиком?

Юрий Трифонов. Фото: архив

Даже о небывалой московской жаре лета 1972 года мы можем узнать исключительно у Трифонова; а кто нам оставил стилистически безупречные свидетельства о дикой жаре 2010-го? А может, и не надо нового отчета, достаточно старого: «И однажды в конце августа как будто лопнула струна — жара прекратилась... но те, что остались живы, испытали необычайную бодрость и как бы наслаждение жизнью... На третий день все забыли о недавних мучениях — чему помог зарядивший с утра мелкий, сеявший осеннюю скуку дождь».

И сегодняшнего постсоцреалистического, постмодернистского, постсоветского постчеловека можно описать романами и повестями Трифонова. Как наше время ни кичится своей уникальностью, человеческие дилеммы и развилки те же самые. Возмущался же текстами Юрия Валентиновича редактор из серьезного журнала, выведенный им в рассказе «Вечные

темы» из цикла «Опрокинутый дом»: «Все какие-то вечные темы!»

Последняя фраза в неоконченной рукописи последнего романа «Исчезновение»: «Но прошло много лет...»

Прошло много лет, и, как и прежде, человек расчеловечивается, адаптируясь к обстоятельствам, и расчеловечивает других. Но и это Трифонов описал, обращаясь к опыту сталинских времен.

Неясны мотивы тех, кто стали хозяевами жизни в 1930-х? Юрий Трифонов все объяснил в итоговом «Исчезновении»: «Радостное чувство власти, но не грубой, полицейской, а истинной, тайной, имеющей близость к року и божественному промыслу, — тончайшее наслаждение, ради которого единственно стоило бы жить, ибо все прочие оргазмы жизни так или иначе доступны миллионам, как общий городской пляж в Ялте...»

И банальность зла, воплощенная в заурядном, оттирающем скипидаром масляную краску с рук рядовом энкавэдэшнике, который после произведенных обыска и ареста вдруг начинает по-свойски рассказывать: «Я, видишь, с дежурства прямо к теще в Павшино. Жинка у ней сейчас... Всю неделю не виделась. Какой неделю! Больше...»

И тут же рядом — гибель богов. Собственно, вся история ВКП(б) — КПСС — это история распада кланов, сначала обустроившихся в коричневатом рембрандтовском сумраке квартир в Доме на набережной окнами на дробящееся отражение Кремля в Москве-реке, а затем исчезнувших и пожравших друг друга с механической жестокостью термитов.

И никто никогда не замечает распада социальной ткани, который происходит под носом:

«На юге в девятнадцатом кипела какая-то нелепая, веселая жизнь, туда съехалось много интересных людей, артисты, писатели, выходил журнальчик «Донская волна». Рестораны в Новочеркасске были полны. Все уже трещало и рушилось, но люди не понимали...»

Я перечитываю Трифонова насквозь, кроме, быть может, «Студентов», «Отблеска костра» (и ни разу не дочитал до конца книгу творческого кризиса — «Утоление жажды») и статей, раз в пять-шесть лет. Для того чтобы сверить часы — освежить понимание людей не столько советской, сколько постсоветской эпохи.

Трифонову сравняется 100 лет. Много, потому что век — это впечатляет. И до странного мало, потому что он описал людей, живших десятки лет тому назад, а оказалось, что предъявил миру нас сегодняшних. И все по той причине, что, как он написал за четыре месяца до смерти, в свой очень продуктивный период, когда были закончены «Время и место», «Опрокинутый дом» и летело к концу «Исчезновение», нить одна: «...она состоит из любви, смерти, надежд, разочарований, отчаяния и счастья, краткого, как порыв ветра».